
BOOKTRAN
БРЕНДОН САНДЕРСОН
АЙЗЕК СТЮАРТ
КОРОЛЬ АЛЕТКАРА ЛОПЕН ПЕРВЫЙ

Информация о переводчиках

Перевод и редактура: zhuzh, Anahitta, marmax

Booktran, 2026 г.

Интересные новости о творчестве Брендона Сандерсона:

www.vk.com/b.sanderson

https://t.me/BooktranBrandonSanderson

Если вы хотите отблагодарить переводчиков и поддержать проект,
добро пожаловать на www.booktran.ru

Предисловие

Все думали, я шутил, когда говорил, что Лопен побывал королем Алеткара.

Но как только мы решили взять «Архив буресвета» для первой колоды коллекционных карточек, я сразу понял, что эту историю пора наконец написать. Несмотря на шутливый контекст, случай с Лопеном и Элокаром я считал каноном. Более того, этот случай очень важен для понимания Лопена как персонажа.

В общем, когда пришло время, я без колебаний выбрал именно эту историю. Сначала я переживал, удастся ли хоть кому-то уловить уникальный, ни на что не похожий голос Лопена. Но когда Айзек вызвался написать эту историю сам, я приободрился. Мы познакомились еще в 2004 году, когда он работал над рассказом о Санта Клаусе, который на самом деле был секретным агентом. У Айзека широкий писательский диапазон, ему одинаково хорошо удаются и серьезные, и забавные вещи. Но его главной страстью всегда были чудаковатые персонажи, которые действуют с абсолютно серьезным лицом. Он редко пишет чистую комедию или откровенную нелепицу. Скорее его конек — это удивительные люди, которые творят безумные вещи, ведут себя так, будто весь мир принадлежит им, и именно за счет этого преувеличения заставляют читателя улыбнуться. В каком-то смысле Айзек был просто рожден для того, чтобы писать о Лопене.

Главной сложностью при работе над этой историей было определить сюжетную арку Лопена. Да, в итоге он (пусть и ненадолго) стал королем Алеткара. (Юридически все честно, и его даже скрепя сердце начали вносить в официальные списки правителей). Да, все немного нелепо. Но оставался вопрос: зачем? Почему мы вообще рассказываем эту историю? Она должна быть чем-то большим, а не просто поводом посмеяться.

Я вполне доволен, к чему мы в итоге пришли и как Айзек воплотил нашу задумку в жизнь. У этой истории должно быть сердце, ведь именно на этом строится мое видение Лопена как персонажа. Комедийное преувеличение, за которым скрывается живой человек с настоящими целями, проблемами и страстями.

Ради этого нам пришлось изрядно переписать текст. Мы шаг за шагом убирали излишнюю дурашливость, пока не поймали верный баланс. Пожалуй, именно это отняло большую часть времени: понять, где мы перегибаем палку и скатываемся в фарс, и вовремя отсечь лишнее, чтобы получился цельный рассказ, а не комедийный скетч. (Впрочем, у Айзека осталось несколько забавных удаленных сцен, которые он заботливо включил в конец издания).

В целом я невероятно доволен этой историей и рад, что после стольких лет моих полушутливых предупреждений о недолгом правлении Лопена мы наконец-то ее написали, и теперь читатели могут получить удовольствие!

Король Алеткара Лопен Первый

Покушение на убийство оказалось не таким уж страшным, как ожидал король Алеткара Элокар Холин. Ему приходилось столько лет оглядываться через плечо, а когда все наконец произошло, он выжил.

На самом деле он все проспал. Как выяснилось, если в нужный момент ты без сознания, даже самое ужасное переживание кажется терпимым.

Однако теперь приходилось мучиться в пограничном состоянии между опьянением и похмельем, во время которого обычно как раз спишь. Голова раскалывалась, рану в боку жгло, захлестывало чувство поражения.

«Бури! Даже погибнуть толком не могу, — подумал Элокар. — Если бы прошлой ночью я пал от руки убийцы, сейчас не пришлось бы терпеть, как темноглазая гердазийка наряжает меня в женскую хаву».

— Я не могу ходить в женской одежде, нанха, — сказал он. — Я воринец, и это… неприлично и унизительно. Все равно что заставить меня есть женскую еду.

— Выходит, ваше величество, наша одежда для вас недостаточно хороша? — спросила мать Лопена. — Вы спали у меня в доме, ели за моим столом, а теперь носите нашу одежду. Мы ведь кузены, так что зовите меня по имени — Исамилана. Или просто Иса.

— Мы вовсе не кузены. И носить хаву я не буду.

— Еще как будете, если маскировка поможет спасти вам жизнь.

Точно, маскировка. Элокар сдался на милость гердазийки.

— К тому же это не хава, хаву носят светлоглазые, — добавила Иса. — Это палидма моей сестры. Гердазийки надевают ее на праздник взросления. Вот почему она такая строгая.

Разумеется, темноглазые не стали бы надевать защищенные рукава, разве что на праздник, притворяясь светлоглазыми. Сама Иса носила похожее платье, но левый рукав заканчивался на запястье, а дальше была простая перчатка.

Сестра Исы. Это слово зацепило. У Элокара тоже была сестра, хотя он даже не думал, что сможет спастись, когда она пала от рук убийц. Эта мысль привлекла спрена уныния.

Гобелен на стене был отодвинут в сторону, чтобы через маленькое окошко проникал свет. Из матрасов у стены торчала сухая трава. О, как низко он пал! Без него Алеткару будет лучше.

— Почему Всемогущий пощадил меня? — спросил Элокар.

— У него свои причины, — ответила Иса.

Глупый, ни на что не годный ответ. Зачем он вообще спросил?

На стене блестело зеркало, покрытое от старости пятнами. Элокар не смел смотреть в него. Отражения. В отражениях обитают тени. После того как ушел мостовик, они вернулись. И следили за ним.

«Не хотите говорить, чего вам нужно, убирайтесь прочь», — подумал он.

Темные фигуры растаяли. Захотели бы его убить — давно бы убили, если они вообще настоящие. Им нужно что-то другое, одному Всемогущему ведомо, что именно.

Головная боль вспыхнула с новой силой. Элокар сжал пальцами переносицу, и ее накрыло огромным куском ткани. Бури! Защищенный рукав.

Иса закончила завязывать пояс его платья. Надето оно было по-гердазийски, через левое плечо, на нижнюю, тесноватую в плечах сорочку.

— Дышите глубже, ваше величество.

На ум пришло несколько колких реплик, но Элокар смолчал. Иса дала понять, что в словесной дуэли язык у нее как осколочный клинок и она точно знает, куда нанести удар.

Элокар глубоко вздохнул. У героя-мостовика, которого приставил Далинар, имелись свои причины оставить его здесь. Нужно доверять чутью мостовика.

— И наконец, ваши прекрасные волосы. — Иса водрузила на Элокара парик и расправила локоны, чтобы они падали на плечи и обрамляли лицо. Голова сразу зачесалась. — Дожди кончились раньше обычного. Сами понимаете, что это значит.

— Еще вина, чтобы заглушить проклятую Вестниками головную боль?

— Это значит, что пора готовить цупалес. — Голос Исы лился песней, глаза сияли. — Пойдемте. Но если вы все еще голодны, есть суп, а от головы я заварю чай.

Она отвела его в главную комнату. За окнами раздавались возбужденные голоса, от которых голова Элокара заболела еще сильнее.

Во имя Рошара, что там творится?

***

Примерно тридцать кузенов Неповторимого Лопена стояли вокруг него на улице перед домом мамы. Они сбежались со всего Маленького Гердаза, только чтобы отдать ему свой буресвет. Это было особенно ценно, поскольку заряженных сфер катастрофически не хватало.

Разумеется, они сбежались! Неповторимый Лопен всегда поступал так, как никто не ожидал, но всем это было по душе. Сегодня он покажет им то, чего они никогда не видели.

Он втянул столько буресвета, что сферы в ладони нагрелись, а по пальцам пополз ледок. Кожа засияла. Сила внутри него устремилась к левой культе.

Плечо засвербело. Кожа растянулась, связки и мышцы обвили новые кости. Бицепс, предплечье, запястье, ладонь. Пять бугорков превратились в пальцы, все с ногтями цвета сланца. Лопен узнал эти пальцы! Знакомый вес тянул плечо, увеличиваясь, пока не стал точно таким, как надо.

Изумленные лица кузенов почти стоили всех тех лет, что он жил с одной рукой. Дядя Чилинко замолчал, что было чудом не меньшим, чем отрастить конечность. Даже Уйо выглядел впечатленным.

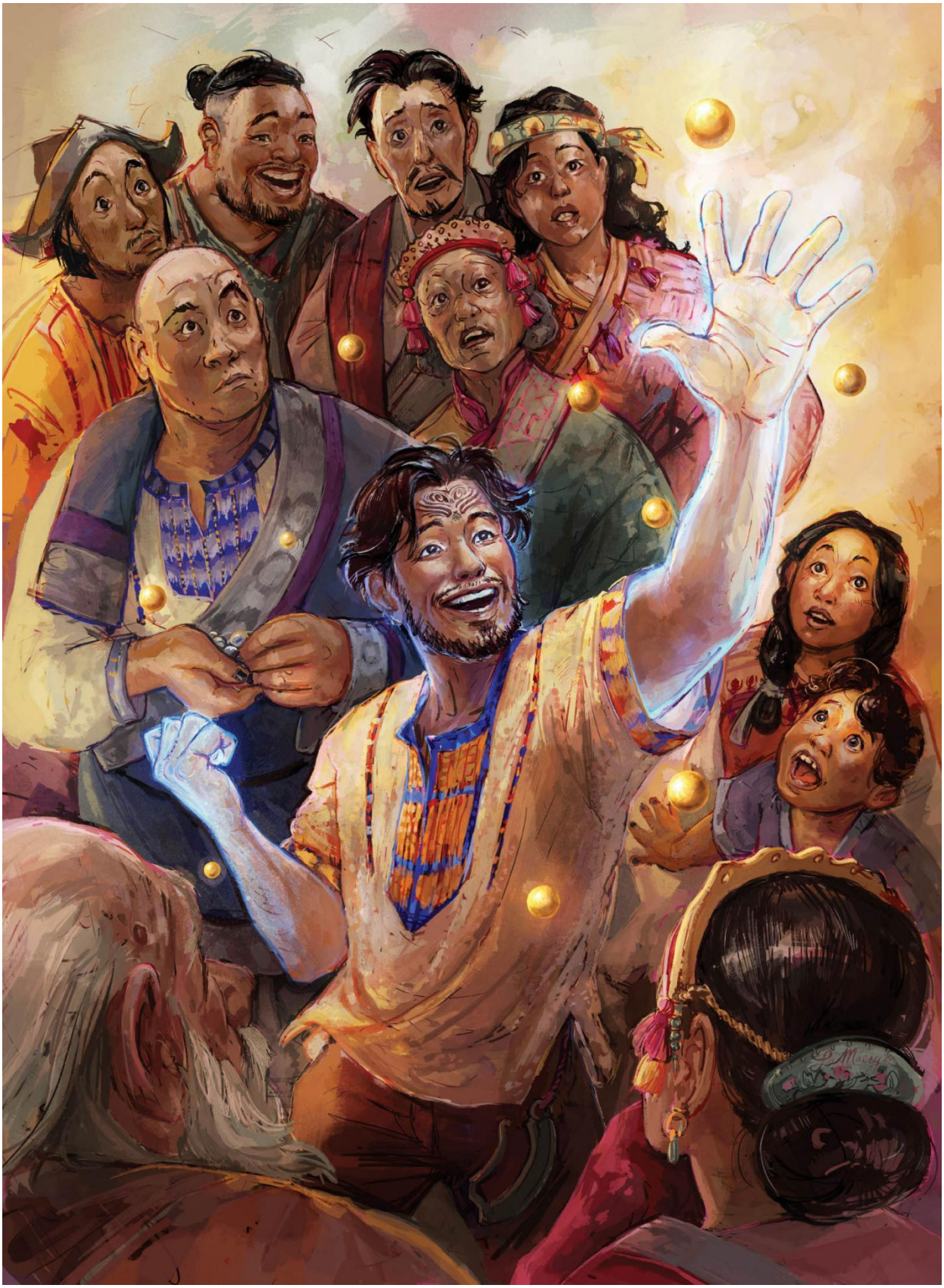
Лопен сжал новый кулак. От него, как утренний туман, поднимался буресвет. Он разжал кулак и пошевелил пальцами — своими пальцами.

— С возвращением, чалиспо, — сказал Лопен новой руке. — В следующий раз, когда отправишься в отпуск без меня, привези сувениры.

Вокруг вспыхнули маленькие золотистые шарики. Лопен видел спренов славы и раньше, но не так близко. Он протянул руку, чтобы коснуться одного. И замер. Разве это первое, что нужно делать с новой рукой? Где тут слава-то?

Когда у тебя две руки, можно снова показывать уйму грубых жестов, это одно из главных преимуществ. С одной рукой тоже сносно получается, но с двумя — просто отпадно.

Хлещи чулла? Набухшие камнепочки после великой бури? Брачный танец северных небоугрей?

Но, бури, не стоит перебарщивать. Непристойные жесты нужно использовать с умом, с грацией и изяществом, так что двойной грубый жест лучше приберечь для дважды пенхито. Здесь никто его не заслуживает. Разве что Уйо, но он пока единожды пенхито.

— Эй, старший кузен! — позвал Лопен. — Глянь-ка на этого двурукого гердазийца!

Неповторимый Лопен выставил новую руку в жесте, который называл «курица смотрит в небо».

Спрены славы потухли.

Но, бури, как же приятно.

Уйо издал страдальческий стон. Вокруг него закрутились темно-оранжевые спрены отвращения.

— Эти люди пожертвовали драгоценным буресветом не для того, чтобы ты показывал непристойные жесты.

— А для чего же? — отозвался Лопен. — Они прекрасно понимали, на что идут. Им хотелось больше меня, а не меньше.

Уйо покачал головой.

— Послушай, мне нужно вернуть эти сферы, но мои ребята, которые шпионят за солдатами, говорят, что те уже близко. Ты поговорил с нашим гостем насчет того, чтобы переместиться?

— Расслабься, Уйо, — сказал Лопен. — У меня есть план.

Вокруг Уйо появились спрены тревоги, но быстро исчезли, пока он возвращал сферы редеющей толпе. Конечно, теперь все хотели свои сферы обратно, а парень, сумевший отрастить себе руку, уже никого не впечатлял.

Десять дурней, Уйо не помешает обзавестись чувством юмора.

Лопен зашел в дом, миновав алтарь праведности у двери и свое копье, прислоненное к стене. За столом мама и король Элокар готовили цупалес — традиционное гердазийское блюдо в честь окончания дождей.

Мама учит короля Алеткара лепить цупалес? Вот это зрелище! Как наблюдать за свиньей, которая учится играть в башни.

«Но сегодня — день невозможного», — подумал Лопен, любуясь своей только что отросшей рукой. Одному Всемогущему ведомо, что еще может случиться.

Свободной рукой Элокар неловко возился с тонким кусочком теста, криво складывая его и едва удерживая приправленную начинку из кремлецов. Король

Алеткара сидел за низким столом, в простой палидме, все еще растерянный, с остатками молотого лависа на руках, и выглядел совсем не по-королевски.

Он заметил, что Лопен на него пялится, и нахмурился.

Некоторые считали, что Элокар не слишком хороший король, и, наверное, поэтому на него то и дело покушались. Лопен же никогда особо не задумывался, хороший он король или плохой. Гораздо интереснее, каково это — быть королем.

Когда можно кормить всех своих кузенов на шикарных вечеринках, и никому из них не приходится голодать и носить старое тряпье не по размеру. Когда никто не затыкает тебе рот, потому что все, а не только ты, знают: ты здесь самая важная персона. С этим не сравнятся даже Чертоги Спокойствия.

— Привет, мама, — сказал Лопен по-гердазийски, пряча новую руку за спиной.

Мама подняла голову от цупалес, которые ловко сворачивала свободной рукой, и тепло улыбнулась.

— Как называют двурукого гердазийца?

Едва мама открыла рот, Лопен выпалил:

— Мастер на все руки!

И показал новую руку.

Мамины глаза засияли.

— О, дитя! — Она изучила руку Лопена, потом расцеловала ему пальцы. — Да благословит нас Всемогущий, я всегда верила, что для тебя у него есть особые замыслы.

Вокруг замельтешили синие спрены радости.

Мама похлопала Лопена по щеке, на мгновение ласково задержав защищенную руку в перчатке. Напоминание. Когда он потерял руку, мама не дала ему раскиснуть. Она учила его: если воринизм и приличия требуют, чтобы гердазийские женщины закрывали защищенную руку и фактически делали все одной рукой, то и однорукий гердазийский мальчишка может научиться.

— А теперь, дитя, пристрой-ка эти руки к делу. Покажи королю Элокару, как сворачивать цупалес. А то у него сноровки как у большепанцирника на свадебном пиру.

— Я слышал свое имя, — заметил Элокар на алети. — Не очень-то вежливо обсуждать человека на языке, который он не понимает.

— Тогда, может, вам выучить гердазийский? — сказала мама на алети с сильным акцентом. — В вашем королевстве говорят на разных языках. А теперь смотрите, как Лопен сворачивает цупалес, может, заодно и пару слов узнаете.

— Неповторимый Лопен — самый лучший учитель, ганчо. — Лопен придвинул табурет. — Пока доберемся обратно к Каладину, ты уже будешь катать их одной рукой.

— Ты должен стоять у двери на страже. — Элокар моргнул покрасневшими глазами. — А не учить меня стряпать простецкую еду.

С таким отношением неудивительно, что цупалес Элокара напоминали выпотрошенных небоугрей. Лопен насвистывал веселую мелодию, сворачивая цупалес одной рукой.

— Само собой, ты злишься из-за того, что тебя пытались убить, но Моаш пытался прикончить кучу народа. Правда, обычно не со зла.

Король посмотрел на цупале Лопена так, будто оно вот-вот спрыгнет с тарелки и...

Дверь распахнулась.

Лопен метнулся за копьем и заслонил короля от темного силуэта в дверном проеме. Потом крутанул копье и левой рукой потянулся к концу древка, как много раз видел в исполнении Каладина, но оно ударило его по запястью и выскочило из пальцев на пол.

Лопен потер ушибленное запястье и перевел взгляд с копья на человека, которого едва не проткнул. Кузен Уйо.

— Ты новенькая, чалиспо, и пока неумелая, но ничего, я научу тебя, как снова быть рукой.

— Всемогущий, что за безумец разговаривает с собственной рукой? — изумился Элокар. — Разумеется, меня охраняют неумехи, пока убийцы разгуливают на свободе.

— Смешная штука жизнь, гон, — отозвался Лопен. — Как говорится, что тебя не убивает, над тем можно поржать.

— Когда взглянул в лицо смерти и чудом выжил, уже не до смеха.

Лопен улыбнулся. Пройдет немного времени, и Элокар начнет отпускать шуточки про чуть не убитого короля. Нет сомнений.

— Хорошо, что ты серьезно относишься к охране, младший кузен, — сказал Уйо по-гердазийски, — но солдаты, которые ищут короля, скоро будут здесь. Какой у тебя план?

— Что он сказал? — спросил Элокар.

Лопен уселся обратно на табурет.

— Тебя ищут солдаты.

— Пусть приходят. — Элокар хлопнул свободной рукой по защищенному рукаву, стряхивая тесто. — Мне все это надоело.

— Не так быстро, ваше величество, — сказала мама на алети.

— Я король, — произнес Элокар, но без особой уверенности. — И могу уйти, когда пожелаю...

— Да, вы король. Но напомню: когда вы в моем доме, это моя страна. А кухня — мой тронный зал.

Элокар хотел возразить, но мама так строго погрозила ему пальцем, что он сник на табурете.

— Мы не знаем этих солдат, ганчо, — произнес Лопен. — Кэл сказал: «Никому не доверяй». Убийца ведь был не один?

Элокар прижал пальцы свободной руки к виску.

— Почему такой герой, как Благословенный Бурей, оставил меня на твое попечение?

— Само собой, ты был в отключке, но он притащил тебя ко мне и сказал: «Нет никого надежнее тебя, Лопен, поэтому передаю короля в твои руки... э-э... руку». Капитан не знал, что рук будет вдвое больше!

— Но есть загвоздка, — сказала мама. — Я дала клятву честности, ваше величество. Если спросят о короле, я не смогу солгать и сказать, что вас здесь нет.

— Ты не стала бы лгать, — Элокар скрестил руки, — даже чтобы спасти жизнь своему королю?

— Всемогущий честен со мной, если я честна с другими людьми.

— Мама у нас старой закалки. Но...

Лопена прервал громкий топот. Мама многозначительно посмотрела на него.

— Нужно сбить солдат со следа. — Лопен кивнул маме. — И при этом не солгать.

Само собой, Неповторимый Лопен всегда отличался честностью. А если и говорил что-то неправдивое, то просто превращал это в правду, подстраивая мир под себя.

— У меня есть план. Когда солдаты спросят, здесь ли король, мама скажет, что нет, потому что ты уже не будешь королем.

Элокар прищурился.

— Это как?

— Ты отречешься, — пояснил Лопен. — В мою пользу.

Тишина. Мама едва не выронила чайник. Снаружи взревел чулл.

— И тогда я стану... — Лопен расправил плечи и выпятил грудь, — ...королем Алеткара Лопеном Первым!

С губ Элокара сорвался смешок. Его подхватили остальные. Смеялся даже Уйо, хотя, похоже, не очень понимал, в чем дело.

Лопен улыбнулся, но не засмеялся. Если Элокар отречется, это будет лучший шквальный шанс сохранить ему жизнь. Остальные просто еще не поняли.

— Я побуду королем недолго. Лишь пока мы не убедимся, что ты в безопасности.

— Проблема решена, ваше величество. — Мама налила горячую воду в чашку с травами. — Мой сын наденет вашу одежду и скажет всем, что он король. Когда солдаты будут расспрашивать в Маленьком Гердазе, где король, мы можем показывать на Лопена. И это будет чистая правда.

Элокар повернулся к Лопену.

— А если тебя поймают?

— Я их буресветом намажу и прилеплю к какому-нибудь столбу.

Король явно едва сдерживал смех, но потом взял себя в руки.

— Прекрасно! Можешь пойти умереть вместо меня. У меня так болит голова, что я лучше останусь здесь и буду лепить эти дурацкие цупалес.

Мама нахмурилась и подала ему исходящую паром чашку. Элокар закрыл глаза и сделал глоток. Бури, он и правда расслабился: словно катящаяся сфера наконец нашла ровное место и остановилась.

— Итак?.. — спросил Лопен.

— Итак... — Элокар открыл глаза. — Объявляю тебя королем Алеткара Лопеном Первым. — Он ухмыльнулся. — По крайней мере, пока не передумаю.

***

Элокар смотрел, как Лопен напяливает его окровавленную одежду. Мысли приходили медленно, будто лозы, которые пробиваются через засыхающий крем. Слишком уж все напоминало ночь, когда погиб отец. Садеас тогда облачился в

королевский осколочный доспех и изображал приманку, пока Гавилар оставался в стороне. Но эта уловка едва отвлекла Убийцу в Белом. Бури, неужели Всемогущий заставил Элокара снова разыгрывать тот же фарс?

Он будто оказался в пьесе, написанной по одной из язвительных историй Шута. Буря побери, иронично — не значит смешно.

— Да здравствует король Лопен, — насмешливо прошептал Элокар, но поймал себя на том, что искренне улыбается.

Прошлой ночью его пытались убить, однако он выжил. Столько лет он окружал себя тревогой, как стеной из сланцекорника, а сегодня беспокойства куда меньше, даже если за ним все еще охотятся убийцы.

Сегодня он разрешил никому не известному гердазийцу притвориться королем. Но что, если и правда отречься? Отпустить все заботы и стать свободным? Всерьез об этом думать не получалось.

Отречение — это поражение.

Если он отречется, его запомнят слабым королем. Далинар будет разочарован, а Всемогущий знает, как Элокар хотел, чтобы дядя им гордился. Если бы его одобрял Далинар, то, наверное, одобрял бы и Гавилар.

Пока пусть темноглазый притворяется королем. В худшем случае его арестуют за то, что он нацепил королевскую одежду. В лучшем — убийцы пойдут по ложному следу.

А Элокар ради спасения собственной жизни сыграет другую роль. Но его не отпускала мысль: кем бы он был, не родись королем?

Он перевел взгляд на рукав защищенной руки, затем на Ису. Та сыпала специи в большую миску.

«Выходит, сегодня я гердазийка».

Что сказал бы Гавилар? Король Алеткара нарядился женщиной, прячется в лачуге и изображает низкородную гердазийскую «кузину».

«Это поражение. Слабак, а не король».

Усилием воли Элокар отогнал эти мысли и вдруг заметил, как в отражении медного чайника у огня кружатся тени.

Он закрыл глаза и не открывал, пока тени не исчезли.

***

Король Лопен любовался, как развевается его шикарный синий плащ и поблескивает золотая пара глифов — меч и корона Холинов. Пока сойдут и эти, а потом он сменит их на что-то более лопенское. Само собой, один из глифов будет в форме мускулистой руки. А второй? Тоже рука, с напряженным бицепсом.

Ноги сами несли Лопена на рынок — самое удачное место, чтобы рассказать всем, что он стал королем.

— Я тут подумал, что мог бы заделаться отличным королевским шутом. Но раз уж я теперь король, то должен держать марку.

Уйо приподнял бровь.

— Так что официально объявляю тебя, Уйо, моим королевским шутом.

Вокруг Уйо заметались желто-зеленые спрены беспокойства.

— Я ничего в этом не смыслю.

— Скажи что-нибудь гадкое про мое лицо, но остроумно.

— То есть можно сказать, как ты всех раздражаешь?

— Прямым оскорблениям не хватает изящества. Эх, у тебя будто камни вместо мозгов. Но я добрый правитель и дам тебе второй шанс. Попробуй еще раз.

— Лицо у тебя... слегка кривое. Одна скула больше другой.

— Ладно, понял... — сказал Лопен. — Ты уволен.

Уйо опустил голову. В угасающем свете тускло блеснула лысина. Бури, из него не выжать почти никакой реакции. Шутки про однорукого гердазийца больше не в ходу, надо придумать что-нибудь другое.

Лопен вскинул новую руку и сложил пальцы как для куклы из носка — правда, без носка.

— Здорово, чалиспо, — сказал он своей левой руке. — Работу тебе нашел, закачаешься!

Уйо издал страдальческий стон. Лопен подмигнул ему.

— Мой король. — Выговор у руки был высокородным. Лопен сам удивлялся, как ловко у него получается.

— Объявляю тебя моим королевским шутом.

— Я живу, чтобы служить, ваше величество. — Рука-шут опустилась, будто кланяясь.

— Наконец-то шут, который не свалит в самый разгар веселья, — обрадовался Лопен.

— Зря ты так уверен. Раньше я уже сваливал.

— Повелеваю: от меня больше ни шагу.

— Буря тебя побери, — тихо буркнул шут.

Лопен покосился на Уйо. Хоть как-то его пробирает?

Позади Уйо плавал одинокий спрен замешательства. Видно, еще не проникся. Само собой, Неповторимый Лопен всегда готов усердно потрудиться, чтобы довести кузена.

— Ладно, шут у меня есть. Что дальше?

— У короля должна быть корона, — подсказал шут.

— Это у обычных королей короны. А Неповторимый Лопен — король особый. Его корона — его волосы. А мантия — ветер.

— Ветер, который он пускает изо рта или с другой стороны? — уточнил шут.

Лопену стоило самому придумать такую шутку. Но он король, и подобный юмор во всех смыслах ниже его достоинства.

— Следующий пункт — раздобыть тебе одежду, — сказал Лопен. — Не пристало королевскому шуту ходить голышом.

— Наряд должен быть подобающим. Что-нибудь по-настоящему аристократическое.

До рынка они еще не дошли, так что купить перчатку было негде. Лопен накрыл левую руку правой, чтобы шут не подслушал.

— Уйо, одолжи носок.

***

— Вы неправильно их сворачиваете, — сказала Иса. — Они у вас будто кремлецы, которые перебрали рогоедского белого, и их вывернуло наизнанку.

— Сойдут, — отрезал Элокар. — Мы их просто съедим и все.

— Ваши уродливые цупалес есть никто не станет. Не сварятся они как надо.

— Кто тут кому помогает?

Иса повернулась к нему.

— Если хотите помочь, делайте как следует. Никому не позволю болтать, что мои цупалес уродливые и несъедобные.

— Я сделаю по-своему. Дай мне еще минуту и увидишь.

— Хватит с вас цупалес. — Иса убрала тарелки. — Будете заниматься грязной работой.

— Эй! Я же только…

Иса поставила перед ним миску.

— Кузенов много, чтобы их накормить, нужна целая гора цупалес. Вот начинка.

— Я только хотел…

— Намешаете все как следует, тогда и посмотрим, стоит ли снова подпускать вас к цупалес.

Иса жестом велела приступать.

— Прямо рукой? — спросил Элокар.

— Можете защищенным рукавом, если очень хочется, но только разведете грязищу.

Элокар закатил глаза, ухватился за миску защищенной рукой и погрузил свободную руку в начинку. Оказалось, миска — это большой перевернутый кремлец.

Иса постучала по сегментированному панцирю.

— Эти траблецы большие, но всего боятся. Во время великих бурь они сворачиваются в комок, и их уносит ветром, потом находят повсюду дохлых.

Она понаблюдала за Элокаром.

— Мешайте поживее. Вкуснее будет.

Элокар глянул вниз: свободная рука до запястья в начинке, рукав защищенной руки тоже весь в жире. Поживее?

Он наклонился над миской и взялся за дело всерьез. Миска глухо стукнула, начинка выдавилась между пальцами.

— Так?

— Так лучше.

— Лучше? Да живее некуда!

— Вы привыкли, что щелкнете пальцами и все бегут исполнять. Думаете, за пару секунд можно чему-то научиться? Да, можно приказывать людям, но годы опыта в себя приказом не загонишь и как следует готовить цупалес не научишься. Не идеально, но лучше. Продолжайте мешать еще десять минут.

Элокар собрался возразить.

— Вы хотите лепить цупалес или нет? — спросила Иса. — Или вам нравится грязная работа?

Элокар застонал, но мешать не бросил.

Иса снова принялась раскатывать полоски теста, придерживая их защищенной рукой в перчатке.

— Слыхали историю про однорукого гердазийца?

Элокар покачал головой и навострил уши.

— Мой Лопен, после того как потерял руку и немного взгрустнул, решил взобраться на хожаровое дерево. И знаете что? Каждый раз у него не получалось. Я сказала ему: «Давай покажу трюк», а он рассмеялся. Спросил: «Что ты знаешь про одноруких?» Шли дни, лучше не становилось. Наконец он явился ко мне, и я показала, как лезть, подтягиваясь и удерживая вес за счет ног и коленей. Он спросил: «Как ты этому научилась, мама?»

— И что ты ответила? — поинтересовался Элокар.

Иса подняла защищенную руку.

— Я сказала: «Все воринские женщины — однорукие гердазийцы. Теперь ты знаешь секрет, сынок, так что практикуйся, пока одна твоя рука не станет такой же сильной, как две».

— Ты хочешь сказать, что мне нужно больше практиковаться. — Элокар налег на миску сильнее, чем нужно. — Что мне надо больше стараться? Чепуха! Я столько лет пытаюсь быть королем, и все без толку.

— Я ничего не говорила о королях. Мне просто нужны нормальные цупалес.

— Ладно! Скажем так, я тоже хочу нормальные цупалес, но у меня все время не получается.

— У вас не получается, потому что вы не слушаете тех, кто делает цупалес поколениями. Вы уперлись и поступаете по-своему. Так что не удивляйтесь, если ваши цупалес — как сломанный палец дяди Чилинко. Вы однорукий гердазиец и понятия не имеете, как лазать по деревьям.

Элокар поджал губы, отвернулся и закрыл глаза, сосредоточившись на том, как миска стучит по столу. Может, Иса права: надо научиться слушать внимательнее… если бы только кто-то его учил. Он уже спрашивал у мостовика, как стать героем, но тот его отшил. Правда, и момент был неудачный.

В дверь постучали.

— Не сидите прямо, — сказала Иса. — Согните спину и все время смотрите вниз. Не показывайте глаза.

— Но...

— Тс-с. Я сама с ними поговорю.

Дверь распахнулась раньше, чем Иса успела к ней подойти. Элокар моргнул от яркого света, затем вспомнил, что нужно опустить голову.

— Мы ищем короля. — Голос показался ему смутно знакомым. Данлан?

Адолин приударял за ней, и она стала одной из письмоводительниц Далинара. На месте Адолина Элокар продолжил бы ухаживания, но тот был переборчив, как избалованная рубигончая. После этого Далинар оставил Данлан при себе, значит, доверять ей можно.

Элокар подхватил было подол, чтобы встать, но замер. Кому он доверяет больше: светлоглазой письмоводительнице, которую едва знает, или темноглазому мостовику Далинара, который уже доказал, что может его спасти?

Иса вряд ли защитит его в бою, но в ее простом доме Элокар ощущал нечто особенное. Может, чувствовал себя в безопасности, а может, дело просто в успокаивающем треске огня. Он сам не понимал, что чувствует, но Исе хотелось доверять.

И он сделал так, как она велела.

— Король уже ушел, — сообщила Иса. — Кажется, в ту сторону.

Ссутулившись и опустив глаза, Элокар принялся за начинку для цупалес. Миска слегка стукнула по столу. Он поморщился и замер.

— А это кто? — спросила Данлан.

Элокар понял, что, застыв, выглядит подозрительно, поэтому сделал вид, что не замечает пристального взгляда, и продолжил мешать начинку.

— Мы кузены. — Иса рассмеялась. — Кто еще оставит супруга и ребенка в Холинаре ради войны, чтобы отомстить за нашего покойного короля, да сражается он вечно в Чертогах Спокойствия. Зайдете? Мы как раз делаем цупалес!

Данлан фыркнула.

— Гердазийка говорит, что король пошел туда. — Она указала рукой. Солдаты ушли.

Иса немного выждала на случай, если они вернутся, а потом закрыла дверь.

— Даже не попрощались.

— Удивительно, — произнес Элокар. — Ты солгала — сказала, что мы кузены.

— Я слежу за словами. Все, что я сказала, правда. Вы у меня дома и готовите вместе со мной цупалес. Значит, мы кузены, это так же верно, как восходят луны.

На этот раз Элокару было не до смеха.

— Я должен тебя поблагодарить.

— Отблагодарите тем, что будете меня слушаться. А теперь проверим начинку.

***

Быть королем оказалось нелегко. Во-первых, держи спину прямо и вышагивай, как одна из этих горластых куриц. Во-вторых, терпи шута, который вечно жалуется и забирает все самые смешные реплики. Неужели все двурукие короли так мучаются?

От нескольких лотков на рынке тянуло жареной свининой. Запах смешивался с дразнящим ароматом чуты. В животе у Лопена заурчало, но он не обратил внимания — как-никак занят королевскими делами. Накинув плащ на левую руку и скрыв под ним шута, он направился к любимому лотку с чутой. Уйо тащился следом.

— Привет, Мели.

Лопен облокотился о прилавок. Солнце садилось, в стеклянной вазе тускло сияло несколько сфер.

Лучше чуты, чем у Мели, в военных лагерях не сыскать. Сегодня на девушке красовалась зеленая гердазийская плава, перекинутая через плечо, под ней виднелось домотканое платье кремового цвета. Плава была как раз под цвет темно-зеленых глаз.

— Что сказала красивая девушка двурукому гердазийцу? — спросил Лопен.

— Снова твои шуточки?

— Бури! Именно это она и сказала. Как ты догадалась?

Мели скрестила руки.

— Чего тебе надо?

— Помнишь, ты говорила, что не станешь со мной встречаться, даже если у меня будет две руки и я стану королем Алеткара?

— Я такого не говорила.

— Нет? А я именно так рассказываю эту историю уже несколько лет.

— Я сказала, что не стану встречаться с тобой, будь ты хоть шквальным королем Гердаза.

— А если я шквальный король Алеткара?

Она приподняла бровь.

— Это правда. Спроси Уйо.

Уйо кивнул. Мели удивилась. Потом, похоже, впечатлилась.

— Даже если это правда, я все равно не буду с тобой встречаться.

Шут выбрался из-под королевского плаща.

— А если я скажу, что у него теперь две руки?

— Преисподняя, что это такое?!

— Э-э, королевский шут, — сказал Лопен. — Появляется в самый неподходящий момент.

— Привычка, — пояснил шут.

— У тебя лишняя рука! — Мели ткнула в левый рукав Лопена.

— Лишних рук не бывает. Просто вернулась моя старая рука.

— На самом деле она права, — сказал шут. — Я лишний. Прежнюю руку ты потерял. Со всеми костями. Гниет теперь где-то в канаве. Или белоспинник сожрал. Или еще что-то. Ты каждый раз рассказываешь по-разному.

— Ты просто уходил в отпуск, чалиспо, — отозвался Лопен.

— Зачем ты пришел? — спросила Мели. — Помимо того, чтобы похвастаться волшебной рукой-куклой.

— Тебе разве не интересно, как я отрастил ее обратно?

— Ну... интересно.

— Сейчас покажу.

Лопен приложил правую руку к вазе со сферами, закрыл глаза и вдохнул.

В него устремился буресвет, сферы потускнели. От кожи начало исходить едва заметное сияние.

— Видишь, я стал сияющим Лопеном, и пропавшая рука выросла обратно.

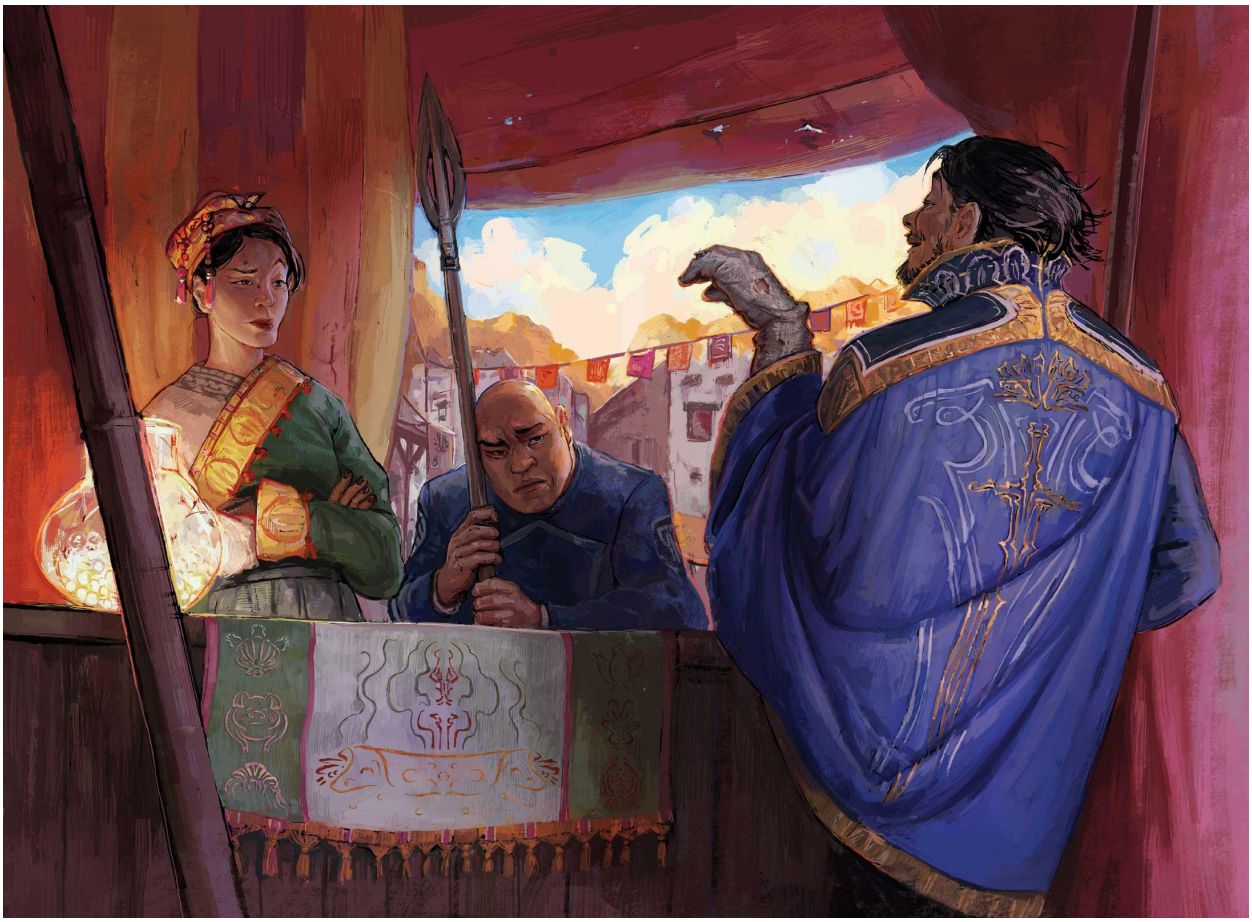
На губах Мели мелькнула улыбка.

— Сияющий Лопен! — Лопен вскинул для выразительности правую руку. — Светлопен!

Сферы покатились во все стороны: одни звякнули о прилавок, другие упали на землю. Уйо принялся их собирать. О бури, рука что, прилипла к вазе? Мели засмеялась, потом выругалась — в общем, обычная реакция женщин на Лопена.

А ему просто хотелось воссиять, а не вот это вот все.

— Ты смотрел, как это делает Каладин, всего лишь раз сто... — протянул шут.

— Выходит, смотреть за другими не то же самое, что практиковаться самому.

— Сколько буресвета ты вдохнул?

— Всю вазу.

— Как ты это сделал? — растерянно спросила Мели.

Ну да, она, скорее всего, никогда не слышала о Сияющих вроде Каладина, не говоря уж о Светлопенах. Мели пересыпала несколько сфер в другой сосуд, Уйо передал ей остальные.

Сзади послышались громкие голоса. Лопен обернулся: в конце торгового ряда стояла кучка солдат во главе с рыжеволосой письмоводительницей. Где он ее видел — с Адолином? Как там ее? Какое-то дурацкое имя, примерно как если бы тайленская морячка заорала на тонущем корабле: «Дай линь!» Данлан!

Данлан жестом приказала солдатам и ревнителям рассредоточиться по рынку.

— Жаль, но нам пора, а то бы мы еще позабавили тебя другими фокусами, — сказал шут. — Если кто спросит о короле, укажи в нашу сторону.

Король Лопен поднял другую руку, которая прилипла к вазе.

— Сколько стоит?

— Дай сюда. — Шут прикоснулся к вазе, и та отлипла от руки Лопена. — Вот как это делается.

Ваза упала на землю и разлетелась на куски.

— Сколько стоит ваза? — вздохнул Лопен.

***

Зачерпнуть начинку, размазать по тесту, сложить оба края и завернуть. Чтобы хватило на пару укусов, но не набивать так, чтобы начинка лезла по краям. Не торопиться. Быть терпеливым.

Элокар следовал указаниям Исы и, к собственному удивлению, постепенно втягивался в процесс. В этом был свой приятный, расслабляющий ритм.

Он поднял только что слепленное цупале.

— Глядите-ка, кузен, — сказала Иса. — Получается уже лучше.

Слова Исы подбодрили его, хотя, если честно, не будет же он всю оставшуюся жизнь лепить цупалес.

Но что вообще ждет впереди? Всемогущий даровал ему второй шанс, и он обязан им воспользоваться.

— Я не особо умею прислушиваться к людям, — сказал Элокар.

— Ко мне вы прислушиваетесь, — возразила Иса. — И смотрите, ваши цупалес уже ничего. Теперь скатайте еще сотню и делайте так каждую ярмарку, тогда станете настоящим мастером-цупалоро.

— Меня пугает не труд и не практика. Но что толку стараться, если прислушиваешься к чужому совету, а он ошибочный?

Каждый раз великий князь вертел им как хотел, а он был... как один из этих траблецов: сворачивался клубком и катился, куда несла великая буря. Никогда не хватало сил разогнуться и удержаться на месте.

— Я всегда неправ. А когда король неправ, слишком часто гибнут люди.

— Вас беспокоит, что гибнут люди? Или как вы при этом выглядите?

Элокар глубоко вздохнул и отвел взгляд.

— Иса, ты всегда говоришь правду. — Он взялся за следующее цупале. — Это необычно. При дворе алети сплошные интриги. Как понять, кому можно доверять?

— Надо научиться отличать белоспинников от рубигончих. Когда однорукому гердазийцу понадобился совет, как залезть на дерево, к кому он пошел?

— К матери.

— Да, но дело не только в этом. Когда однорукий гердазиец хочет залезть на хожаровое дерево, он идет к тому, кто делал это раньше. Если хочет приготовить чуту — идет к кузену Уйо. Сплести крепкую веревку — к кузине Ниле. Понимаете?

— То есть однорукий гердазиец знает множество людей с разными умениями. Этим людям он доверяет. Эти...

— Кузены, — подсказала Иса. — Да. Люди, на которых можно положиться. У вас ведь есть такие? Благословенный Бурей? Мать? Дядя?

— Ха! Дядя мне не кузен.

— Во имя десяти дурней! Хотите снова мешать жир?

— Ладно! Допустим, я буду считать его кузеном или кем-то... наподобие.

Элокар сомневался, можно ли вообще заставить Далинара слушать достаточно долго, чтобы получить дельный совет. В прошлый раз, когда он по-настоящему пытался с ним поговорить, дядя... бури, не хочется об этом думать. Может, попробовать снова, когда Далинар будет... в лучшем настроении.

— Это требует усилий, — сказала Иса. — Так же, как лепить цупалес. Зато узнаешь, кто тебе настоящие кузены.

— Это кузен Элокар. — Она бросила в горку очередное идеальное цупале.

Элокар взялся за свое цупале и скатал его как можно лучше.

— А это... мостовик. Благословенный Бурей.

***

Король Лопен, Уйо и шут нырнули за прилавок пустого лотка. У Лопена было еще много буресвета. Он надеялся, что сияет не настолько сильно, чтобы их заметили.

— Опусти копье, Уйо, — попросил шут. — Сам можешь стоять. Солдаты видят только то, что выше прилавка.

— Кукольное представление можно заканчивать, младший кузен, — сказал Уйо. — Повеселился, и хватит. Еще немного, и снова сделаю тебя одноруким гердазийцем.

— Знаю, с терпением у тебя не очень, — отозвался шут. — Но не все вращается вокруг тебя. У Лопена кризис идентичности.

— Как привыкнуть к двум рукам, когда столько лет обходился одной? — спросил Лопен.

Уйо заглянул в щель между досками.

— Пока разбираешься, я постою на страже.

— Кстати, зачем ты вообще бежишь? — спросил шут. — Ты король! Прикажи им убираться. Там в основном ревнители. Что они тебе сделают? В хроники запишут?

— Они опаснее, чем ты думаешь, чалиспо, — ответил Лопен. — Светлость Шаллан рассказывала, как один из них отравил ее клубничным вареньем.

— Проверьте тот лоток! — крикнул кто-то. — Пустой!

— Солдаты идут сюда, — сказал Уйо.

Лопен скривился.

— Бежим.

Уйо уже несся прочь — наконечник копья подпрыгивал на ходу.

— Бури, Уйо! Теперь мы одни и без оружия.

— Не бойся, мой король. — Шут согнулся и полюбовался, как новый бицепс распирает рукав. — Оружия у тебя нет, но это не значит, что ты безоружен.

От кожи Лопена струился буресвет.

— Ты прав. Но вдруг я опять к чему-нибудь прилипну?

— Давай покажу, как это делается.

Лопен выглянул в проход между лотками ровно настолько, чтобы его заметил солдат. Потом собрал буресвет и наклонился. Шут размазал буресвет по земле. Лопен отбежал на несколько шагов и обернулся, пряча лицо за плащом.

Солдат помчался прямо к нему.

— Мой король! Что вы делаете?

Его сапог угодил в лужицу буресвета и прилип. Солдата по инерции потянуло вперед, и он грохнулся оземь.

— Бури! — воскликнул Лопен. — Сработало!

Из-за угла вынырнули еще двое солдат.

— Теперь бежим, — сказал шут.

Лопен припустил во всю прыть и с удивлением обнаружил, что не задыхается. Зато буресвет убывал быстрее. Проблема решалась просто: пробегая мимо очередного торговца с кувшином сияющих сфер, он делал вдох.

Шут приклеил очередного солдата к стене лавки. Другой солдат слишком резко свернул за угол и задел покрытый буресветом лоток. Плащ мгновенно прилип и рванул его назад, едва не задушив.

Король Лопен каждый раз кудахтал от смеха.

— Чалиспо, где ты этому научился, не прилипая ко всему подряд?

— Я уже много лет ввязываюсь в собственные приключения, — ответил шут. — Поневоле многому научишься.

— Погоди... ты и летать научился? Искрить мое огниво! Ну хоть часть меня дотянулась до неба...

— Нет, летать я не умею. — Шут состроил угодливую гримасу. — Держусь за тебя.

Они пробежали мимо прилавка, на котором высилась пирамида из банок. Это что, клубничное варенье?

— Значит, ты еще не освоил плетения? — спросил Лопен. — Не умеешь менять направление, в котором падают предметы?

— Нет. — Шут схватил и метнул банку варенья. — Зато могу вот так.

Банка врезалась солдату в лицо с такой силой, что тот повалился. Вокруг него вспыхнули спрены боли.

— Заготовочка! — воскликнул шут.

— Я же говорил, с вареньем не шутят.

Лопен наращивал дистанцию между собой и преследователями: пронесся сквозь ватагу детей, устроивших бои кремлецов в луже, пробежал мимо лотка с чутой — пахло так вкусно, что он едва не остановился.

— Куда мы, чалиспо?

— Туда, где до нас не доберутся.

Каким-то образом — назовите это интуицией — Лопен все понял.

Посреди рынка раскинулась площадь, а в самом ее центре торчал шест. Лопен скользнул по нему взглядом: с верхушки расходились веревки, на которых трепетали на ветру праздничные флажки.

Из торговых рядов по краям площади появились солдаты. За ними шла Данлан и указывала в его сторону.

— Полезли, — сказал шут. — Попробуй использовать меня.

— С одной рукой проще.

— Знаю, ты еще не привык ко мне, но нам нужно действовать сообща. Просто попробуй, ладно?

Хорошо, что король Лопен немало лазал по деревьям с одной рукой. Он подумал над предложением шута, но пока решил не рисковать. Все это время шут болтал без умолку о том, насколько было бы легче с двумя руками, чем с одной. Лопен крепко держался коленями и подтягивался правой рукой.

— Ваше величество! — крикнула Данлан. — Ваша мать послала нас, чтобы отвести вас в безопасное место!

Лопен чуть не откликнулся, но вовремя сообразил: откроешь рот, и все пропало.

Так что он полез дальше, до самой верхушки.

— Что мне сделать, чтобы убедить тебя: мы снова можем работать в команде? — спросил шут.

— Мне нужно время, — ответил Лопен. — Денек тот еще выдался. Сначала узнаю, что умею пользоваться буресветом, потом ты вырастаешь обратно, а теперь я король, но при этом вроде как еще и королевский шут. Само собой, очень много великолепия для одного человека, но...

— Давай, выговорись, здесь только ты и я.

— Но, пожалуй, это чересчур, — продолжил Лопен.

Странно такое признавать, но, может, ему не нужно быть всем и сразу. И может, мир еще не готов к летающему двурукому Сияющему королю-красавчику.

— Хочешь, расскажу тебе трогательную притчу, которая в точности отражает твое положение? Вдруг поможет, — предложил шут.

— Нет, не надо, — сказал Лопен. — Я отрастил тебя, значит, считаю частью себя. Давай так: подержи нас пока, остальная часть меня устала.

Он осторожно протянул руку-куклу, медленно разжал пальцы и обхватил шест.

— На вкус как дерево, — донесся приглушенный голос шута.

Лопен прижался к шесту, перенеся часть веса с правой руки на левую. Ноги начали гореть огнем.

— Сколько у нас осталось буресвета? — спросил Лопен.

— Почти кончился, а что?

— Ты только что отпустил шест, чтобы поговорить со мной?

— О бури.

Лопен тут же направил буресвет в правую руку и прилип ею к шесту. Потом подвели ноги. Он напряг правую руку, чтобы из-за веса не вывихнуть запястье, и теперь болтался, как носок на просушке.

— До чего же все из рук вон плохо, — сказал шут.

На этом буресвет иссяк.

***

Лопен вдохнул: его наполнил буресвет, залечивая даже те переломы, о которых он не знал. Он открыл глаза и обнаружил, что валяется лицом вниз, почти целуя крем. Хотелось надеяться, что Мели где-то рядом и ревнует.

Он огляделся. Мели не было, зато перед ним на коленях стоял Уйо с тусклыми сферами в руке.

— Ага, хорошо, — сказал Уйо. — Ты не умер.

Кто-то отпихнул кузена в сторону. Лопен моргнул, разглядывая солдат. Один ухватил его за плащ и запрокинул ему голову, чтобы их предводительница могла взглянуть Лопену в глаза.

Данлан наклонилась, чтобы рассмотреть его получше. Лопен стряхнул с себя руки солдата и уселся на землю. Лицо у Данлан становилось все более растерянным.

— Ты не король.

Она повернулась к солдатам.

— Нас провел паршивый гердазиец!

— Вообще-то, — сказал шут, сияя буресветом, — вас приклеили к земле король Лопен и его верный носочный помощник.

***

Насвистывая, Элокар раскладывал цупалес на раскаленном камне у огня. Рядом висел чеканный медный котелок. В нем виднелось его собственное отражение… и темные фигуры за спиной. Они склоняли головы, от которых рябило в глазах, гудели и пощелкивали — скорее с любопытством, чем угрожающе.

Одна особо привлекала внимание — грациозная, с узором, похожим на бесконечное струящееся кружево. Элокар тряхнул головой, отгоняя видение.

За окном прошуршали шаги. Дверь распахнулась настежь.

— Эй, гон! — позвал Лопен. — Я все, закончил быть королем. Заберешь обратно?

Уйо ввалился следом, закрыл дверь и прислонился к ней спиной.

— Что происходит? — спросила Иса на алети.

— Данлан уже близко, — пояснил Лопен.

— И ты привел ее прямо к нам, — изумился Элокар.

Иса щелкнула пальцами, привлекая его внимание. Она хмурилась. С чего бы ей?.. Он открыл было рот и замер. Всемогущий, как же тяжело слушать, а не говорить!

Лопен откинул грязный королевский плащ, показав левую руку. Почему на ней носок?

Лопен поднял руку в носке на уровень глаз и заговорил. Рука шевелила ртом в такт словам.

— Мы здесь, чтобы защитить тебя. Светлость Данлан поняла, что Лопен — приманка, и двинула прямо к вам.

На этот раз Элокар потерял дар речи. Бури, что это, какой-то безумный сон?

В дверь заколотили.

— Открывайте! — Голос Данлан. — Ваше величество, мы знаем, что вы там.

Подпиравший дверь Уйо посмотрел на Элокара.

Тот глубоко вдохнул и кивнул. Уйо отошел, и дверь распахнулась.

— Стоять, светлость Данлан. — Элокар повысил голос. — Это приказ короля.

Глаза Данлан округлились. Уйо притаился сбоку, нацелив копье прямо на нее. Она медленно подняла руки.

— Мы не причиним вам вреда, — сказала она.

— Однако ты привела солдат, — заметил Элокар.

— Это люди вашей матери. Большинство — ревнители. Смотрите.

Данлан повернулась к солдатам и успокаивающе махнула рукой, потом вошла в дом и закрыла дверь.

— Так лучше?

— Чего ты хочешь?

Данлан шагнула ближе и усмехнулась.

— Платье вам почти к лицу.

Она кивнула на Лопена. Нелепая носочная кукла все еще торчала у него на руке.

— Но приманку можно было выбрать и получше.

— Что? Нет! Я его не выбирал. Зато он достаточно долго водил тебя за нос, чтобы я успел принять решение. Я остаюсь здесь.

— Но светлость Навани...

— Передай ей, что я вернусь только в сопровождении Благословенного Бурей. До тех пор я нахожусь под защитой этих людей.

Взмахнув защищенным рукавом, Элокар указал на Ису, Лопена и Уйо.

— Они гердазийцы... — В голосе Данлан звучало отвращение.

На его предплечье легла чья-то рука. Иса с улыбкой встала рядом.

— Более того, темноглазые гердазийцы, — добавила Данлан. — Почему вы им доверяете?

Король Алеткара Элокар накрыл руку Исы своей.

— Эти люди, светлость, мои кузены.

***

Данлан шагнула к королю Элокару, и Лопен уловил серебристый отблеск.

— Лопен, живо! — крикнул шут.

Данлан бросилась вперед, нацелив острие кинжала прямо в короля.

Оружия у Лопена не было, но шут прав, это еще не значит, что он безоружен. Каладин поручил ему защищать Элокара. Не выйдет быть копьем — так хоть щитом.

Лопен выставил руку навстречу кинжалу.

Холодная сталь пронзила предплечье, потекла теплая кровь.

— За короля... и отчизну! — прохрипел шут.

Данлан выругалась, скрипнув зубами.

— Убийца! — крикнул Лопен.

— Я так и знал! — воскликнул король.

Данлан чуть не бросилась на него снова, но Лопен выпустил весь остаток буресвета и засиял. Данлан метнулась к ближайшему окну и выпрыгнула наружу.

Дверь распахнулась. За ней стояли солдаты, многие совершенно оторопевшие. Некоторые в поисках Данлан обшарили комнату более холодными, расчетливыми взглядами, наткнулись на сияющего Лопена и бросились наутек.

— Вот так! — крикнул он вслед. — Будете знать, как связываться со Светлопеном!

Оставшиеся солдаты и ревнители, скорее всего, были просто людьми Навани и ничего не знали о замысле Данлан.

— Она пыталась меня убить. — Элокар обвел их пристальным взглядом. — Кто-нибудь из вас знал?

Он сорвал парик и швырнул его на землю.

— Я ваш король! — Он указал в направлении, куда сбежала Данлан. — Светлость Данлан пыталась меня убить. За ней!

Солдаты бросились выполнять приказ.

— Всемогущий, — Элокар нагнулся за париком, — по сравнению с некоторыми десять дурней — настоящие мудрецы.

Само собой, Элокар по-прежнему был в женской гердазийской палидме, но больше не выглядел нелепо. Что-то в нем изменилось, появилась уверенность. Платье вполне могло сойти за одеяние Вестника.

Вокруг Лопена потянулись из земли жилистые оранжевые кисти — спрены боли. В то же мгновение рука дала знать о себе пульсирующей болью. Он бережно прижал к себе липкого от крови шута.

Мама вдруг оказалась рядом: хлопотала над ним, зажимала рану, торопила исцелиться оставшимся буресветом.

— Из тебя вышел неплохой шут, чалиспо, но, бури, щит ты просто превосходный, — сказал Лопен. — Мы с тобой спасли короля.

— Я... я справился?

— Ты справился блестяще, чалиспо.

— Всемогущий! — Шут захрипел сильнее. — Теперь я вижу. Все ближе!

— Чертоги Спокойствия? — спросил Лопен.

— Нет. Смерть. — Шут издал последний хрип и обмяк.

Убедившись, что он мертв, Лопен осторожно вытер кровь.

— Искрить мое огниво, чалиспо все-таки припас для меня сувенир!

Буресвет исцелил рану, но шрам остался. Лопен не был уверен, что хочет от него избавиться.

В паре шагов король Элокар улыбался маме и спрашивал, сколько еще будут готовиться цупалес. В животе у Лопена заурчало. Сегодня вечером его ждет ужин, приготовленный королем!

Однако Лопену королем быть незачем. Само собой, на Рошаре сотни королей. Бури, любой может быть королем — даже мужик в женском гердазийском платье.

Да, королей много. А Неповторимый Лопен — один.

Уйо оперся о копье.

— Похоже, новая рука приживается неплохо, раз уж ты наконец наигрался в куклы.

Лопен кивнул.

— Бури, как же я рад, что шута больше нет! Вечно перехватывал все лучшие реплики, подшучивал над людьми, важничал без меры. Все время находиться

рядом с таким человеком просто невыносимо, само собой, если только он не ужасно смешной.

— А ты, младший кузен? — Вокруг Уйо возникли маленькие синие побеги с волнистыми листочками — спрены искренности. — Ты как, в порядке?

— Ценю твою заботу, старший кузен. — Лопен улыбнулся. — Но вот вопрос поважнее: тебе носок вернуть?

Послесловие

Больше всего радости мне приносит возможность заниматься творчеством вместе с друзьями. Время словно перестает существовать, когда мы вместе придумываем сюжеты и дизайн или набрасываем масштабные хронологии для Космера. Ни с чем не сравним тот восторг, когда разрозненные кусочки вдруг складываются в четкий план будущего проекта. Мало что в мире приносит такое же удовлетворение.

Мозговой штурм с Брендоном и Дэном над историями для коллекционных карточек не стал исключением. Для меня огромная честь помогать им в развитии Рошара. Раньше я часто шутил, что напишу фанфик о невероятных приключениях Лопена и Уэйна по всему Космеру, хотя представить такое и правда довольно сложно. Разумеется, такие истории никогда не станут каноном, и я благодарен Брендону и Дэну за то, что они доверили мне «Короля Лопена». Спасибо, что рискнули и поверили в меня.

После первого мозгового штурма, когда идеи еще совсем новые, блестящие и свежие, чувствуешь невероятный прилив сил и вдохновения, представляя, куда все это может привести. С нетерпением ждешь возможности воплотить идеальный замысел, который уже сложился у тебя в голове.

А потом начинается работа.

Откуда ни возьмись начинают вылезать всевозможные препятствия. Мотивы персонажей не стыкуются. Детали, которые казались рабочими, приходится переписывать на ходу, чтобы подогнать под хронологию и канон. История разрастается до неприличных размеров, а заметки к ней становятся еще длиннее.

Но ты продолжаешь работать, поскольку помнишь, что почувствовал, когда в первый раз увидел в воображении тот самый замысел. Ты не хочешь облажаться сам, но еще больше боишься подвести людей, которые тебе доверились.

Нужно находить время, чтобы писать и редактировать, но в дверь скребутся дедлайны по другим проектам. А старые дедлайны, которые вроде давно остались позади, восстают из могил для финальной битвы. И ты укладываешься в эти дедлайны, потому что дал обещание.

Время, отведенное на писательство, приходится отдать ребенку, который забыл предупредить тебя о школьном проекте, который нужно сдать завтра. И знаете что? Ты находишь время для ребенка, потому что ваши отношения для тебя важнее и приносят больше радости, чем создание фантастических вселенных.

Но сроки по рассказу поджимают, и отпуск в Майами плавно превращается в писательский ретрит. (Что, если честно, в моем понимании и есть идеальный отпуск). И вот ты пишешь об Элокаре, Исе и Лопене, пробуешь на вкус новые

интересные словечки вроде «чалиспо» и «цупалес» и надеешься, что они органично впишутся в культуру этого мира. Ты решаешь, что Лопену позарез нужен напарник-марионетка, и надеешься, что Брендон и Дэн не сочтут эту выходку слишком уж глупой даже для Лопена.

Пейзажи Флорида-Кис проносятся за окном, пока твоя замечательная и все понимающая жена (спасибо, Кара!) ведет машину, а ты пишешь. В доме Эрнеста Хемингуэя ты достаешь ноутбук и работаешь над частью рассказа, изредка прерываясь, чтобы погладить шестипалых кошек — потомков одного из любимых питомцев самого Хемингуэя. Ты делаешь это, потому что именно здесь когда-то находили вдохновение другие писатели. Может, и тебе повезет. Вдруг в общении с многопалыми кошачьими (кстати, отличное название для моей будущей рок-группы) скрыта особая магия?

А может, тебе просто нужно закончить работу во что бы то ни стало. И в глубине души ты понимаешь: настоящая магия рождается не от встреч с котами-мутантами, а от умения побеждать дедлайны-мутанты.

В какой-то момент текст написан, все толковые замечания учтены, стилистические правки одобрены. Проект завершен. Ты смотришь на готовый рассказ и сравниваешь его с первоначальным, идеальным замыслом. Они не одинаковы, но сделаны из одного теста. И пусть готовый результат оказался не совсем таким, каким ты его представлял, именно таким ему и нужно было стать.

По крайней мере, я на это надеюсь!

В этом году исполняется двадцать лет с тех пор, как мы с Брендоном начали вместе создавать фантастические миры. В далеком 2005 году он дал мне раннюю рукопись «Рожденного туманом» и попросил нарисовать карты и символы. Тогда я и представить не мог, как сильно эта книга и дружба с Брендоном изменят мою жизнь.

Первый опубликованный роман Брендона «Элантрис» тоже вышел в 2005 году. Когда книга увидела свет, он подписал мой экземпляр так: «Не сдавайся. Через несколько лет на моем месте можешь оказаться ты. Просто продолжай писать».

Эти слова врезались мне в память. И я продолжал писать, даже когда бури грозили сбить меня с пути. «Король Лопен» — это короткий рассказ, крошечная песчинка в масштабах Космера. И лишь в малой степени исполняет то, что Брендон пожелал мне на форзаце «Элантриса».

Но это точно не последнее исполненное предсказание его слов.

Айзек Стюарт

Апрель 2025 года

Удаленная сцена №1: Руа

Вокруг чудаковатого человека с одной рукой собралась толпа. Маленький, как листок, Руа опустился на плечо женщины, которая как раз протягивала Чудику светящуюся сферу. Женщина хлопнула себя по уху — наверняка почувствовав Руа как легкое дуновение ветерка.

Этот Чудик, должно быть, важная шишка, раз у него столько последователей. Наверное, он их король! Король народа, который не умеет менять облик по желанию. Какая же скучная у них жизнь! Если тебе хочется новую одежду, нельзя просто заставить ее появиться силой мысли. Приходится раздеваться до исподнего и идти искать, чего бы еще нацепить.

По мере того как Чудик впитывал в себя свет, завитки тумана свивались там, где у него раньше не было руки.

Чудик все же мог менять облик! Ну конечно, не зря же он их король! Последователи ахнули. У их короля выросла еще одна рука!

Руа сосредоточился, зажмурился. Сжал кулачки. Сморщился и закряхтел. С тихим хлопком, будто кто-то пукнул, из него что-то выскочило наружу.

Еще одна рука — прямо из живота!

Не то чтобы полноценная рука, скорее кисть, но в хозяйстве точно пригодится.

Рука на животе помахала ему. Руа помахал в ответ. Привет, брюхорука!

Вокруг короля-Чудика заплясали маленькие светящиеся шарики. Руа знал их по другомирью. Но этим явно чего-то не хватало.

Руа осмотрел себя. У него-то все на месте?

Обе подмышки при нем. Обе подколенные ямки тоже. Все восемь складок между пальцами ног. Все восемь на руках… Погодите, теперь их стало двенадцать. Весь он тут, целиком? Или, как те шарики, оставил часть себя в другомирье? Он пожал плечами.

Тем временем Чудик сделал своей новой рукой какой-то жест, и толпа снова ахнула. Все просто обожали короля-Чудика и его забавные знаки руками!

Руа попытался повторить жест своей брюхорукой, но вышло криво. Да и ахать было некому. Что ж, нужно больше тренироваться. Придется и дальше наблюдать за королем-Чудиком, чтобы перенять его благородные повадки.

Удаленная сцена №2: Чалиспо

Чалиспо, королевский шут, с удовольствием отметил, как хорошо сидит на нем гладкий черный костюм — словно его сшили специально по его стройной фигуре. Если уж подбирать подходящее выражение, за качество можно было ручаться.

Впрочем, щегольская одежда — слабое утешение по сравнению со свободой, которую он потерял.

С тех пор как Чалиспо впервые покинул Лопена, он старался жить ни к кому не привязываясь. Его память представляла собой длинный список случайных связей на одну ночь, а порой ему не оставалось ничего, кроме собственного огнива, чтобы скрасить одиночество. Будучи всего лишь частью тела, он не мог пить. Зато мог держать бутылку рогоедского белого. Когда и этого оказывалось недостаточно, он купался в нем, пока не отключался. А приходил в себя то в комнатах незнакомок, то на крюках в мясных лавках. Хуже всего был нескончаемый поток шуток в его адрес. Как ни крути, он был рукой без гердазийца.

Но все это стоило ощущения открытой дороги. Чалиспо был одиноким белоспинником, и внезапное воссоединение с бывшим хозяином-пленителем было ему совсем не на руку. Фигурально выражаясь, конечно. В каком-то смысле это «рукоприкладство» вынуждало его всегда быть под рукой.

С другой стороны, роскошное одеяние королевского шута — дорогое, мягкое и изысканное — это явный шаг вперед по сравнению с тем, чтобы расхаживать повсюду совершенно голым.

О соавторе

Айзек Стюарт вырос на юго-востоке Айдахо. В детстве он мечтал участвовать в гонках на собачьих упряжках «Идитарод» и полететь на Марс. Осознав, что Айдахо, «Идитарод» и открытый космос — места ужасно холодные, он решил сосредоточить свои амбиции на искусстве и сторителлинге. Больше десяти лет он занимался анимацией, параллельно подрабатывая внештатным художником и дизайнером книг, а затем присоединился к команде «Dragonsteel» и стал курировать все вопросы, связанные с визуальным оформлением вселенных Брендона Сандерсона. Айзек живет со своей семьей в Юте, где, как правило, теплее, чем на Марсе, но только в трех округах из двадцати девяти.

Об иллюстраторе

Мари Зеебергер — иллюстратор из Гамбурга с дипломом магистра в области научной и информационной иллюстрации. Больше всего она любит изображать персонажей и эмоциональные моменты, а также до мельчайших подробностей продумывать детали. В свободное от рисования время Мари занимается скалолазанием в зале, вышивает, пьет неприлично много чая и готовит для друзей.